

«Страна отчаянья», «Памятник дождю», «Я, Люди и Море», «Отдушина» поэтически отражено земное бытие поэта, его переживания и любовь, связь времен и культур разных эпох. Все это хорошо «вмещает в себя» свободный стих, который дает возможность раскованно говорить о глобальных вещах. Игорь Журбин был членом Совета ассоциации русских верлибристов. В 1992 г. в статье «Соло для одинокой скрипки», он пишет: «Читатель верлибра остается один на один с внутренней мелодией верлибра, здесь невозможна фальшь, ибо ее нельзя спрятать за виртуозной оркестровкой рифмы, ассоциации, метра» [2, с. 33]. В одном из своих интервью газете «Знамя юности» И. Журбин называет верлибр «обнаженной поэзией», «примером поэтического современного мышления» [3].

Сложность поэтического наследия Журбина, зафиксированного в его стихах, требует подготовленного читателя, способного «услышать» как темы великорусские, так и локальные, гомельские в его творчестве. Вместе они представляют комплексный материал для новых теоретических исследований современной русскоязычной литературы Беларуси.

Литература

1. Журбин, И. В. Колодец / И. В. Журбин. — М.: Сов. писатель, 1990.
2. Журбин, И. В. Соло для одинокой скрипки. // Родник. — 1992, — № 7–8.
3. Журбин, И. В. — Мы — братья по Солнцу! // Знамя юности. — 1991.
4. Журбин, И. В. Испытание Миром Молчащих / И. В. Журбин. — Гомель: ООО «ИнфоТрибо», 1995.

Ирина Середа (Минск)

ТВОРЧЕСТВО В. МАКАНИНА ЗА РУБЕЖОМ

Владимир Маканин признан одним из ведущих русских прозаиков современности как в России, так и за рубежом. Он один из самых переводимых на другие языки из пишущих по-русски авторов: его произведения изданы на английском, французском, итальянском, польском, шведском, немецком, испанском, китайском, японском и других языках. За пределами постсоветского пространства у писателя вышло более ста книг прозы.

В данной статье исследуется «жизнь» маканинских текстов за рубежом, а также иностранные литературоведческие труды (преимущественно англоязычные), посвященные крупнейшим произведениям автора.

Первым из переведенных и опубликованных за границей произведений В. Маканина стала повесть «На первом дыхании» («Schönes Mädchen mit den grauen Augen», или «Красивая девушка с серыми глазами»), которая увидела свет на немецком языке в 1978 г. в ФРГ и очень скоро там же вошла в число «бестселлеров» [6, с. 425]. Малоизвестного тогда молодого автора пригласили на Франкфуртскую ярмарку, однако «Всесоюзное Агентство по авторским правам» привычно и бодро ответило: *Маканин болен, и только поэтому он не приедет*» [5, с. 99]. Безусловно, отказ возмутил иностранную общественность («издать его издали, а на ярмарку не выпустили» [5, с. 99]), но данный факт неожиданным образом сыграл на пользу автору: в московской писательской

среде им всерьез заинтересовались. Впоследствии В. Маканина все же выпустили из страны, но не без участия первого секретаря Союза писателей Г. Маркова и только в компании с благонадежным Ю. Трифоновым.

Интерес к творчеству В. Маканина проявляется в зарубежной среде, в том числе в эмигрантской, уже в 1980-е гг. (о чем свидетельствует, например, интервью известного американского специалиста по русской литературе и кинематографу П. Ролберга с В. Маканиным, имевшее место в 1985 г. [3]), однако в литературоведческие исследования он материализуется в большей степени только в 1990-е гг. (П. Ролберг, С. Далтон-Браун, К. Доусет, М. Левина-Паркер, Е. Гессен и др.).

Вслед за первой повестью были переведены также «Прямая линия», «Утрата», «Отставший», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине», «Лаз», рассказы «Антилидер», «Ключарев и Алимешкин», «Кавказский пленный», романы «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Асан» и др. В произведениях В. Маканина конца 1980-х гг. («Утрата», «Отставший») западные слависты увидели осмысление таких феноменов, как перестройка и гласность, что повлекло за собой трактовки данных текстов с политической позиции. Однако были и те, кто обращал внимание в первую очередь на высокий уровень художественности маканинской прозы. В статье 1988 г. «Решения Владимира Маканина по проблеме утраты прошлого» Н. Л. Петерсон в лаконичной форме характеризует произведения автора 1970–80-х гг., подробному анализу в проблемно-композиционном ключе подвергаются повести «Где сходилась небо с холмами» и «Утрата». При этом отмечается музыкальность построения обоих текстов, а также «повествовательное многоголосие» [10, с. 355], используемое как средство взаимосвязи прошлого и настоящего. К. Доусет [9] рассматривает повесть «Утрата» как постмодернистскую аллгорию и выстраивает «аллгорическую схему» передвижений героев во времени, особое внимание уделяя образу реки и мотиву подкопа. Исследуя романы «Портрет и вокруг», «Один и одна», повести «Отставший», «Лаз», «Долг наш путь», «Сюжет усреднения», С. Далтон-Браун резюмирует: главной темой прозы В. Маканина является тема «вины в контексте жестокости» [8, с. 223], которая реализуется посредством создания образов русских интеллигентов.

В 1993 г. в США выходит первая англгоязычная монография П. Ролберга «Аутсайдеры Владимира Маканина» [11], которая отличается широтой охвата материала и комплексным подходом к исследованию прозы В. Маканина. В первой части книги представлена биография прозаика, краткий очерк раннего творчества, также подробно исследуется мотивная структура рассказов, повестей и романов писателя. Вторая часть посвящена детальному анализу повести «Утрата». По мнению П. Ролберга, главной особенностью сюжета маканинских произведений является его математическая выверенность (сказывается образование писателя): в основе любого текста лежит формула, которая с точностью решается в процессе развития действия.

Е. Гессен (Минкина) в статьях «Писатель на завтра, или пример Маканина» и «Вокруг Маканина, или Штрихи к портрету» [1] обращается

преимущественно к исследованию героев В. Маканина. В частности, выдвигает мысль о том, что частотный образ писателя, эволюционировавшего от «собирателя» до «аналитика» (или «копателя») [2, с. 158] — не что иное, как alter ego автора, своеобразная подсказка прозаика для лучшего понимания его творческого развития. В качестве сквозного мифа маканинского творчества Е. Гессен рассматривает частотный образ старого поселка, который является недостижимым святым местом и связывает как своеобразная единая родословная почти всех персонажей В. Маканина.

М. Левина-Паркер в статье «Смерть героя» [4] предпринимает попытку периодизации творчества В. Маканина по принципу осмысления позиции автора и характера героя, выделяя при этом три периода: 1) 1970-е гг.: прозаик работает в рамках традиционного реалистического повествования, в котором преобладает авантюрно-биографический роман, где автор экспериментирует, играет с героем; 2) 1980-е гг.: появляются развернутые философские метафоры, доминирует повествование-притча; увеличивается дистанция между автором, рассказчиком и героем; В. Маканин пишет «энциклопедию посредственности» [4, с. 66]: обыкновенный человек становится червем, навсегда исчезает индивидуальность героя, ибо он предопределен; 3) 1990-е гг.: здесь представлен «герой-эталон» [4, с. 76], говорящий авторским голосом; в текстах доминирует условность, что приводит к уничтожению героя, превращению сюжета в чистую аллегорию и в итоге к актуализации жанра эссе; в сюжете противопоставляются греховное земное бытие и мир трансцендентный.

В 1990-е гг. с творчеством В. Маканина познакомились китайские книголюбы, причем тексты русского прозаика явно пришлись им по вкусу. Переведенные на китайский язык повести «Долог наш путь» и «Стол, покрытый сукном, с графином посередине» были тепло встречены китайскими читателями и нашли своих исследователей. В 1999 г. издательством «Куньлунь» в серии «Новая русская литература», которая состоит из восьми книг, был выпущен сборник повестей, где в ряду произведений других русских авторов (В. Пьецуха, В. Распутина, Д. Рубиной, Л. Петрушевской и др.) появилась и повесть В. Маканина «Лаз» (в переводе Дун Сяо). В сборнике рассказов из этой же серии был напечатан рассказ «Кавказский пленный» (в переводе Ху Гумин), ошибочно названный «Кавказский пленник» [7, с. 74]. Китайский литературовед Фу Сюань считает, что В. Маканин исследует процессы, определяющие психологию современного человека, при этом отмечает такую особенность маканинских героев, как боязнь быть обвиненными, осужденными. По его мнению, в повести «Стол, покрытый сукном, с графином посередине» показано, как «нормальный человек делается маленьким и жалким» [7, с. 72].

В 2006 г. в США к семидесятилетию писателя публикуется сборник эссе «Путем тоннеля» под редакцией Б. Линдсея и Т. Спектор, посвященный произведениям В. Маканина [12]. В книге представлено десять научных работ, написанных исследователями из США, России и Великобритании, среди которых иностранные слависты и русские эмигранты, а также вступительный рассказ писателя о себе и своих произведениях и текст беседы В. Маканина с

российским исследователем В. Иванцовым, организованной для данного издания в июле 2006 г.

Две работы, переведенные с русского на английский язык, имеют обзорный характер: С. Пискунова в «Наблюдениях над поэтикой Владимира Маканина» отмечает этапы творческого становления прозаика, а М. Липовецкий в статье «Маканинский экзистенциальный миф в 1990-е гг.: повести “Лаз”, “Кавказский пленный” и роман “Андеграунд”» в философском ключе исследует важнейшие произведения автора.

М. Фальчиков в статье «Другая жизнь: Маканин и Трифонов в 1970-е гг.» сравнивает повесть В. Маканина «Отдушина» с «Другой жизнью» Ю. Трифонова, отмечая, что оба писателя стремятся выявить подлинную сущность своих персонажей, которые в поисках выхода из застойной повседневной жизни уходят в воображаемый мир [12, с. 26].

Дж. Качур в работе «Поэтика интервалов: способы пересечений, разобщения и связи» определяет организующее начало прозы В. Маканина середины 1960-х — конца 1980-х гг. — принцип интервала между «двумя положениями» (ситуациями или пунктами) повествования, которые соединяются между собой образами убегающего и роющего, коридора и подземелья, земли и лаза, стен и гор и т. д., и все это в совокупности образует богатый контактами, путями и проходами, но загроможденный бесконечными препятствиями художественный мир маканинской прозы.

Б. Линдсей в статье «Искусство слушать и копать: миф, память и поиск смысла в повестях “Голоса” и “Утрата”» предлагает свою художественно-философскую интерпретацию указанных произведений, в основе которой представление о том, что В. Маканин в экзистенциальных поисках следует традициям М. Хайдеггера. По мнению исследователя, именно в «Голосах» появляются нетрадиционные экспериментальные повествовательные приемы, определившие на годы вперед стиль прозы писателя: поразительные метафоры, постмодернистские эксперименты со сменой точек зрения, смешением фольклорных и литературных жанров и героями, идущими по зову голоса [12, с. 66]. А сама повесть рассматривается как «записные книжки», из которых впоследствии выстроилась «Утрата». Примечательно, что перевод текста последней на английский язык, выполненный Б. Линдсей, был удостоен высшей награды гильдии переводчиков США в 1998 г.

В эссе «Герой повести В. Маканина “Лаз” в роли русского Прометея» Т. Новикова сравнивает Ключарева с титаном Прометеем, отмечает новаторство автора в использовании данного мифологического образа, что, однако, не отменяет пессимистичного взгляда писателя на современную российскую действительность.

Н. Ефимова, Е. Краснощекова и К. Кустанович обратились к исследованию романа В. Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени», выделив в качестве ведущей тему взаимовлияния литературы и жизни. Н. Ефимова («Исповедь подпольного героя») прочитала текст как мирскую исповедь в духе Ж. Руссо и Ф. Достоевского. Е. Краснощекова («Два парадоксалиста: “человек из подполья” и “человек андеграунда”») отыскала литературные корни

маканинского романа в «Записках из подполья» Ф. Достоевского и определила общность героев: они «отставшие» от нового времени и «лишние» в новом обществе [12, с. 129–130]. К. Кустанович («Герой минувшего времени, или русская литература как экологическая система в “Андеграунде” и других произведениях В. Маканина») интерпретировал роман писателя как «литературу о литературе и ее роли в русской жизни». «Сюжет усреднения», по его мнению, представляет историю русской литературы как культурную экологическую систему XIX и XX вв., а роман «Андеграунд...» является художественным комментарием к распаду этой системы в начале 1990-х гг. [12, с. 117–118]. При этом единственной возможностью спасения является восстановление традиционной социальной функции культуры на постсоветском пространстве.

В отличие от других работ статья С. Шервелла «Ликование в ГУЛаге: повесть Маканина “Буква А”» посвящена тексту, написанному в XXI в. и в новом для автора стиле. Он считает, что повесть представляет идеальную модель намеренно амбивалентного текста, не рассчитанного на банальные толкования и прямолинейные выводы. Вслед за Р. Бартом он выступает против «единственно верной» интерпретации произведения, согласно которой повесть является «социальной аллегорией» периода «гласности», и в своей «прогулке по тексту» показывает, что он функционирует в пяти разных, но взаимосвязанных дискурсивных планах [12, с. 158].

В целом, творчество В. Маканина рассматривается зарубежными литературоведами преимущественно в рамках постмодернистской эстетики, что, на наш взгляд, связано с использованием в качестве исследовательского материала произведений рубежа 1980–90-х гг., которые обозначили явный качественный сдвиг в маканинской стилистике и отход от реализма.

Необходимо отметить, что, кроме значительного количества переводов и иностранных исследований, в копилке у В. Маканина немало зарубежных премий: немецкая Пушкинская премия Фонда А. Тепфера 1998 г. за вклад в литературу, итальянская литературная премия «Пенне» 2001 г. за роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998), Европейская литературная премия 2012 г. (получил первым из русских писателей). Все это свидетельствует о талантливости прозаика и конкурентоспособности на мировом книжном рынке, а также о высокой оценке его творчества иностранными читателями и литературоведами.

Литература

1. Гессен, Е. Вокруг Маканина, или Штрихи к портрету / Е. Гессен // Грани. — 1991. — № 161. — С. 144–159.
2. Гессен, Е. Писатель на завтра, или пример Маканина / Е. Гессен // Время и мы. — 1990. — № 111. — С. 155–167.
3. Интервью Петера Ролберга с Владимиром Маканиным // В. Маканин Один и одна / В. С. Маканин. — М., 1991. — С. 259–277.
4. Левина-Паркер, М. Смерть героя: О последних произведениях В. Маканина / М. Левина-Паркер // Вопросы литературы. — 1995. — Вып. 5. — С. 63–78.
5. Маканин, В. Художник Н. / В. Маканин // Новый мир. — 2013. — № 4. — С. 99–104.
6. Марченко, А. Запах своей тропы / А. Марченко // Маканин В. С. Отставший. Повести и рассказы / В. С. Маканин. — М., 1988. — С. 423–431.

7. Фу Сюань Новая русская литература в Китае / Фу Сюань // Русский язык за рубежом. — 2001. — № 2. — С. 70–74.
8. Dalton-Brown, S. Ineffectual ideas, violent consequences: Vladimir Makanin's portrait of the intelligentsia / S. Dalton-Brown // Slavonic and East European Review. — 1994. — Vol. 72. — № 2. — P. 218–232.
9. Dowsett, C. Postmodernist allegory in contemporary Soviet literature: Vladimir Makanin's «Utrata» / C. Dowsett // Australian Slavonic and East European Studies. — 1990. — Vol. 4. — № 1–2. — P. 21–35.
10. Peterson, N. L. Vladimir Makanin's solutions to the loss of the past / N. L. Peterson // Studies in Comparative Communism. — 1988. — Vol. XXI. — № 3–4. — P. 349–356.
11. Rollberg, P. Vladimir Makanin's outsiders / P. Rollberg. — Wash.: Wilson center, 1993.
12. Routes of Passage: Essays on the Fiction of Vladimir Makanin / ed. by B. Lindsey and T. Spektor. — Slavica Publishers Indiana Un. — 2007. — 206 pp.